

Из истории науки

Очерк истории метафизики: от Платона до «докритического» Канта

Т.Л. Гусева

В историческом контексте, затрагивающем период от Платона до «докритического» Канта, рассмотрены некоторые смыслы понятия «метафизика». Предметную область метафизики составляют вопросы столь предельно общие и сущностно важные для осмысления мира и человека в нем, что в трактовке великих мыслителей – Платона, Аристотеля, Лейбница, Гегеля, Канта метафизические представления играли важнейшую роль в развитии человеческой мысли. Тем самым была предопределена история эволюции метафизики как дисциплины. В статье особое внимание уделено становлению метафизики естествознания «докритического» Канта и оказавших на него большое влияние метафизических учений Лейбница и Вольфа.

Ключевые слова: метафизика, идеальное, Платон, Аристотель, Лейбниц, Вольф, Кант, небесное тело, движение, Вселенная

Когда возникла метафизика и что она собой представляет? Ответ на этот вопрос носит во многом условный характер, так как смысловое содержание термина «метафизика» определяется по-разному на каждом историческом этапе и как философский метод и философская традиция по-разному интерпретируется философами и исследователями в соответствии с принимаемыми концепциями и воззрениями. Происхождение самого термина носит искусственный и, по сути, случайно-фактуальный характер.

Согласно историческим данным, в 80 г. до н.э. римский полководец Сулла во время войны с Митридатом взял штурмом Афины. Римляне бросились грабить город. Среди трофеев оказалась библиотека, а в ней – труды Аристотеля. Аристотель оставил их своему лучшему ученику – Теофрасту. Наследники Теофраста отвезли труды Аристотеля в Малую Азию, в город Пергам. Царь Пергама повелел свезти все

частные книги (а тогда книги имели большую ценность) в центральную библиотеку. Наследники Теофраста, не желая, чтобы труды Аристотеля попали в руки царя Пергама, спрятали книги в подвал, и они там пролежали более 150 лет.

Уже подпорченные хранением в подвале книги попали в руки Андроника Родосского, который решил издать эти произведения Аристотеля в Риме. Встала проблема: как озаглавить те 14 книг, которые сам Аристотель оставил без названия? Эти книги имели достаточно разнородный характер – там был и философский словарь, и учение о форме материи, и критика философии Платона. Шесть книг Аристотель озаглавил термином «Физика», поскольку они были посвящены исследованию вопросов, касающихся природы. Оставшиеся 14 книг Андроник назвал «Метафизика», т.е. «то, что идет после физики». Под этим названием он их и издал [1].

Метафизика Платона и Аристотеля

Постепенно термин «метафизика» приобрел определенное содержание, уже не зависящее от того случайного факта, что так были названы книги, не поместившиеся в «физику». Он стал обозначать основное содержание этих книг, а это то, что сам Аристотель называл «первой философией», или учением об основных предпосылках всякого познания. Эти предпосылки выходили за рамки непосредственно наблюдаемого. Они включали в себя также учение о вне- и доопытном знании. Если же рассматривать умопостижимое как таковое, независимо от наличия термина «метафизика», то, пожалуй, первым системным метафизиком был Платон [2], открывший сверхчувственное, метафизическое измерение бытия, что было принципиально новым в философии.

Идея о сверхчувственном и надфизическом пространстве реальности возникла у Платона, когда он задался вопросом: являются ли физические и механические причины последними или они суть лишь сопричины, сопутствующие более высоким причинам? Натурфилософия объясняет механические и физические причины как конечные, Платон же предполагает, что причиной того, что механично и физично, по сути, может быть нечто немеханическое и нефизическое. Для того чтобы объяснить, почему нечто прекрасно, нельзя ограничиться физическими составляющими – цветом, формой и т.д., надо подняться разумом до идеи прекрасного. Сверхчувственный план бытия образован миром идей (форма, эйдос), которые существуют в себе и для себя в иерархи-

ческой форме и составляют подлинное бытие. На вершине мира идей находится идея Блага, совпадающая с Единым, где Единое – принцип бытия, истинности и ценности. Явленное же рождается из соединения принципа Единого как формального с Диадой, как материальным принципом. Мир умопостигаемого – причина мира чувственного.

Умопостигаемый мир вечен, он всегда есть, чувственный же мир существует в пространственно-временном измерении, это подвижный образ вечности, лишь уподобление идеальному, великое в малом, он как бы проступает через то, что есть, что было и будет, чувственное характеризует движение, время и порождение, где время возникает вместе с небесами и космосом. Так из чувственного мира возникает космос, возникает его великолепный порядок, означающий триумф умопостигаемого над слепой необходимостью материи. Человек же, познавая мир, «припоминает», активизирует из памяти то, что хранится в глубинах сознания, то, что когда-то содержалось в мире идей и смогло быть «принятым» человеком в той или иной степени чистоты своей идеальности. По Платону, бессмертная душа рождается много раз на Земле, и, вступая в контакт с чувственным миром (воплощаясь), она извлекает из себя истину, вспоминая о реальности, доступной ей и по ту сторону мира, и по другую.

Таким образом Платон решает проблему познания и приближения к миру идеальных сущностей. Он считает также, что математические множества образуют низший уровень умопостигаемого, при помощи которого хаотический мир чувственного преобразуется в порядок (причем посредством Демиурга, который «лепит по образу идей хору», т.е. бесформенный материал, снижая идеальные модели до физической реальности; математические сущности промежуточны, стоят между идеями и вещами). Поскольку в реальности не существует идеальных геометрических фигур, а внутри нас они существуют, постольку этот зазор далеко не субъективен, он предшественик индивидуального опыта. Чувства поставляют несовершенные данные, однако разум находит внутри себя изначально существующее то, что придает форму и порядок. Отсюда платоновская концепция человека, основанная на разнопорядковой природе души и тела, на наличии двух сущностей человека – видимой (физической тело) и невидимой, при этом высшей является сверхчувственная душа, а тело – лишь темница души. И высший смысл человеческого существования – понять высшую идею Блага для души.

Термины «идея» и «эйдос» до Платона обозначали видимую форму вещей, впоследствии же за ними закрепилось значение внутренней

сущности вещей. Это второе употребление становится в дальнейшем устойчивым в метафизическом языковом обиходе. Платон подчеркивает в идее именно метафизическую структуру вещей и как синонимы использует термины «субстанция» и «сущность вещей», и даже «природа», «реальная реальность вещей». Метафизическая теория Платона, органично соединив в понятии «целостность» представления о Едином как принципе бытия, познаваемости, истинности, определенного и совершенного, субстанции, идее и о другом неограниченном и безусловном начале – Диаде как принципе множественности, дуальности и неопределенности, «точно сумела отразить особые характеристики греческого духа, стремящегося всему найти порядок и пропорцию путем налаживания границ и выявления определенности» [3].

Г.Г. Гадамер в своей книге «Истина и метод» пишет: «Можно было бы написать историю метафизики как историю платонизма. Ее станциями были бы Плотин, Августин, Мейстер Экхарт, Николай Кузанский, Лейбниц, Кант и Гегель. Однако необходимо сказать, что все усилия западной мысли не идут дальше теории субстанции традиционной метафизики. Первым платоником, в этой серии, как ни крути, был Аристотель» [4]. Аристотель, безусловно, был самым гениальным учеником Платона, он пошел дальше учителя в развитии теории и в его лице античная философия и наука нашли своего энциклопедически образованного систематизатора.

Метафизика Аристотеля [5] отлична от метафизики Платона, различны плоскости интересов этих философов. Аристотель применяет системный метод, мало интересуясь платоновским мистическо-религиозно-эсхатологическим контекстом. Кроме собственно философской проблематики, в том числе метафизики, Аристотель впервые обращается к эмпирике, опыту, правда, мало заботясь о его научном обосновании, в большей степени полагаясь на очевидность и риторичность доказательства. Аристотель делит науки на три раздела: теоретические ведут поиск ради знания как такового, практические познают ради морального совершенствования, продуктивные изготавливают определенные предметы. Наиболее ценны теоретические науки: метафизика, физика, психология и математика. Философию физики Аристотель относит ко второй философии, а первая философия рассматривает надфизическую реальность, и именно эти его труды были названы Андроником Родосским «Метафизикой». В «Метафизике» Аристотель синтезировал традиции всех предшествующих философов античности, обозначив четыре главных направления: исследование первопричин,

или высших начал, познание бытия как такового, наука о субстанциях и постижение божественной сверхчувственной субстанции. Саму метафизику Аристотель считает самой возвышенной из наук, не связанной с материальными нуждами и не преследующей цели решения практических задач.

Аристотель выделяет четыре типа первопричин: формальную причину, материальную причину, действующую, или движущую, причину и финальную, целевую причину [6]. Не отрицая сверхчувственного характера идей Платона, Аристотель, тем не менее, не соглашается с их платоновской трактовкой. Идеи, по Аристотелю, суть умопостижимое обрамление чувственного. Аристотель противопоставил идеям Платона излюбленные им формы, понимаемые как «последнее видовое различие вещей» [7], он считал, что отделенные от мира вещей идеи не могут быть причиной существования вещей и их познаваемости. Форма – бытийная суть всякой вещи и первая субстанция, основание бытия и первопринцип. Именно форма может информировать, облагораживать материю, она внутренне присуща вещам. Формы суть наметки разумного в чувственном.

Бытие у Аристотеля принимает множественные смыслы, но каждый смысл имеет связь с целым, т.е. структурно соотносен с субстанцией: все бытийное есть либо субстанция, либо ее проявление. Чтобы систематизировать смыслы бытия, Аристотель выделил четыре группы основных характерных значений бытия: бытие как категория (или бытие как таковое), бытие как акт и потенция, бытие как акциденция и бытие как истина, а небытие как ложь. Все смыслы бытия вращаются вокруг субстанции, при этом Аристотель композитно соединяет материю и форму как индивидуальное, объединяющее разные полюса начало, первой же субстанцией он считает форму как бытийную суть всякой вещи. То есть самый сильный смысл бытия – субстанция; в несобственном смысле она выступает в качестве материи (как субстрат формы, начало всего чувственного), в собственном смысле – как композиция формы и материи; самый сильный смысл субстанции – форма. Реализацию потенциальной возможности материи принять форму Аристотель называет энтелехией, форма эту возможность актуализирует, материя же соединяет потенцию и акт. В этом смысле душа – энтелехия тела, Бог – чистая энтелехия. Завершает здание метафизики Аристотеля понятие сверхчувственной субстанции.

Первой реальностью является субстанция, остальные модусы реальности зависят от нее, несотворенные время и движение неразруши-

мы и вечны, и эту вечность им обеспечивает первоначало, которое в силу своей абсолютной причины подвижного должно быть вечным и неподвижным. Первоначало лишено потенциальности, только чистый акт, искомая сверхчувственная субстанция – это вечный неподвижный движитель, приводящий в движение все прочее. Акт онтологически и логически превосходит все потенциально существующее, ибо существование всего вечного всегда актуально. Отсюда вывод, что мир вечен, космического хаоса как чистой потенции не существовало, ибо хаос как потенция не может предшествовать актуальному миру. Бог как чистая энтелехия вечно притягивал к себе вселенную и мир всегда был таким, каков он есть. Божественный разум направлен на самое возвышенное и благое, созерцательная активность Бога – это мышление о мышлении, в нем совпадают процесс понимания и предмет понимания, и именно божественный разум в состоянии собрать все понимаемое в единую субстанцию, он есть актуальное обладание мыслимым. Следовательно, вечный и неподвижный Бог есть чистый акт, духовная жизнь и мышление о мышлении. Бог, по Аристотелю, не является творцом мира, – скорее, сотворенный мир оказался очарованным Богом.

Аристотель также вводит представления о 55 других вечных и нематериальных субстанциях-двигателях, бытийно не зависящих от Вечного двигателя, чтобы объяснить движение небесных сфер. В силу этого его попытки построить метафизику на основе принципа единства не совсем закончены, коль скоро отношения между Богом и 55 субстанциями им не прояснены.

Заканчивая краткий обзор метафизики Платона и Аристотеля, следует отметить, что два гения античности сформулировали и обосновали в своих системах важнейшие методологические установки. У Платона главная установка заключается в том, что все изучаемое должно осмысливаться посредством идей, у Аристотеля – что многое должно быть объяснено посредством единого, и это безусловно проложило дорогу к современному научному мышлению. Влияние этих идей на все последующее развитие европейской философской мысли было чрезвычайно плодотворным. Неоплатоники, средневековые схоласты, философы Нового времени так или иначе обращались к творческому наследию Аристотеля и Платона, черпая свое вдохновение в античных метафизических книгах.

Эволюция представлений о метафизике

Метафизика определяется как учение о сущем как таковом, она отвечает на вопрос о том, что лежит в основе действительности в целом, т.е. из каких основных начал, принципов, элементов создается все то, что существует. Это предельно общее знание, которое относится к наиболее общим свойствам сущего. «Метафизика» – название сочинений Аристотеля, в которых рассматривается то, что познаваемо нами только после природы (потому что лежит “позади” нее), но само по себе является первым, поэтому метафизику называют также “первофилософией”, со времени поздней античности и Средних веков – вообще название соответствующих философских дисциплин. В этом смысле метафизика – основная философская наука, в которой коренятся все философские дисциплины. Она является той наукой, которая делает темой изучения существующее как таковое, подвергает исследованию элементы и основные условия всего существующего вообще и описывает значительные, важные области и закономерности действительного, т.е. она является наукой, которая во всей смене явлений и выражений ищет постоянное и связь. Метафизика распадается на учение о самом сущем (онтология), сущности мира (космология), о человеке (философская антропология) и о существовании и сущности Бога (теология). ...Предметом метафизики, в частности, служат: бытие, ничто, свобода, бессмертие, Бог, жизнь, сила, материя, истина, душа, становление, мировой дух, природа. Познание этих проблем определяет духовный облик человека и составляет тем самым, говоря словами Канта, “неистребимую потребность” человека» [[8].

В развитии философской мысли можно увидеть и расцвет метафизики, и критический период ее отрицания, и возвращение интереса к философскому дискурсу. Античную метафизику, вероятно, можно рассматривать как образец метафизики, однако на протяжении истории западно-европейской философии существенно менялась как оценка метафизического знания, так и положение метафизики в системе философских наук. Средневековая философия признавала метафизику высшей формой рационального познания бытия, но подчиненной сверхразумному знанию, данному в откровении. В Средние века метафизика служила теологии как ее философское обоснование. Схоласты считали, что метафизике доступно богопознание, осуществляемое по аналогии с познанием высших родов сущего.

Метафизика Нового времени вышла из границ, очерченных теологией и, пройдя этап пантеистической натурфилософии Возрождения, сделала объектом своего исследования природу. На смену авторитету богословия пришел авторитет науки, подчинившей себе метафизический метод и метафизическое знание. Формально оставаясь «царицей наук», метафизика испытала влияние естествознания, достигшего в этот период выдающихся успехов (особенно в математике и механике), и в определенной мере слилась с ним. Основная черта метафизики Нового времени – сосредоточенность на вопросах гносеологии, превращение ее в метафизику познания (во времена Античности и Средние века она была метафизикой бытия) [9]. Метафизика рационализма развивалась в тесной связи с традиционной онтологией. Метафизика эмпиризма резко выступила против гипостазирования понятий и догматического возведения их в статус бытия, характерного для средневековой схоластики. Получив в XVII в. классическое выражение в системах Декарта, Спинозы и Лейбница, в XVIII в. метафизика пережила кризис, обусловленный отделением от нее ряда наук, вырождением метафизического учения в догматическое систематизаторство (например, в системах Вольфа и Баумгартена), а также разрушительной критикой со стороны скептицизма, сенсуализма, механистического материализма Просвещения.

В немецкой классической философии происходил сложный процесс окончательного разрушения старой метафизики, противоречиво связанный с реставрацией метафизики как умообразной картины мира. И. Кант критиковал догматичность метафизики прошлого, признавая необходимость и ценность метафизики как науки и считая ее завершением культуры человеческого разума. Он усматривал свою задачу в изменении метода метафизики и определении сферы ее приложения. Разделив рассудок и разум, Кант показал, что ошибки старой метафизики порождаются некритическим распространением деятельности рассудка за пределы возможного опыта. Согласно Канту, метафизика возможна как систематическое знание, выведенное из чистого разума. Однако он не построил такой системы, ограничившись исследованием противоречий, в которые неизбежно впадает разум, пытающийся синтезировать законченную картину мира. Кант ввел разделение метафизики на метафизику природы и метафизику нравов, толкуя последнюю как такую сферу, где противоречия чистого разума находят практическое разрешение. Он также четко размежевал метафизику и естествознание, указав, что предметы этих дисциплин совершенно различны.

На основе кантовских идей (в частности, его учения об активности субъекта в познании) И. Фихте и Ф. Шеллинг пытались построить положительную метафизику. Связав в своих системах мышление и бытие, метафизику и науку, разум и природу, они истолковали диалектику разума не как теоретический тупик, а как движущую силу развития познания: диалектика становится у них неотъемлемым свойством истинного мышления.

Рассматривая истину и бытие как процесс, Гегель создал систему, в которой истина выступает как поступательное развитие разума, а противоречие – как его необходимый момент. Он переосмыслил кантовское различие рассудка и разума и сделал последний носителем истинного познания, а диалектику – методом постижения противоречий и развития понятий. Рассудок, согласно Гегелю, оперирует конечными однозначными определениями и является хотя и необходимым, но не достаточным условием познания. Источник метафизического метода Гегель видел в ограничении познавательной деятельности сферы рассудка. Таким образом, Гегель впервые противопоставил метафизику и диалектику как два различных метода. Вместе с тем он оценивал свою философию как «истинную» метафизику и традиционно понимал ее как «науку наук».

Для философии второй половины XIX в. характерно отрицательное отношение к метафизике вообще и ее гегелевскому варианту в частности. Критическая реакция на гегелевскую философию породила ряд течений антиметафизики: волонтаризм А. Шопенгауэра (впоследствии развитый представителями философии жизни), религиозный иррационализм С. Кьеркегора, материалистический антропологизм Л. Фейербаха. С критикой метафизики и метафизического метода выступили позитивисты и неокантианцы. Распространенными были попытки переинтерпретировать содержание и задачи метафизики, отождествив ее с мировоззрением, с осмыслением тотальности опыта. Так, В. Вундт, называя метафизику философским учением о принципах и категориях всего сущего, видел ее цель прежде всего в достижении единства знания, в построении мировоззрения, выходящего за пределы опыта. Всякая метафизика – и негативная, критикующая скрытые предпосылки нашего знания, и позитивная, совпадающая с мировоззрением, согласно Вундту, гипотетична, поскольку она восполняет научный опыт и на основе общенаучного сознания определенной эпохи строит непротиворечивое мировоззрение. Такое же отождествление метафизики с картиной мира, охватывающей природу и духовную

жизнь, с осмыслением принципов мировоззрения было присуще Г. Зиммелю, В. Дильтею и многим другим философам начала XX в.

Кантовская линия критики догматической метафизики была продолжена в неокантианстве, в котором вместе с тем не отрицалось значение метафизики как осмысления предельных ориентиров и ценностей нашего опыта в отношении мира. В прагматизме метафизика трактовалась как дескрипция наиболее общих черт опыта. Согласно Ч. Пирсу, метафизика – это попытка описать, как реальность должна выглядеть для людей, воспринявших научный подход к миру. Общие законы и отношения между вещами приобретают статус реальных не столько потому, что они подкрепляются отдельными фактами, сколько потому, что их реальность принимается сообществом исследователей.

Наряду с переосмыслением статуса метафизики уже в конце XIX в. появились концепции, сторонники которых заняли резко критическую позицию по отношению к метафизике. Представители критического позитивизма (эмпириокритицизма) Э. Мах и Р. Авенариус выдвинули задачу устранения метафизики из философии и науки. Отождествив научное знание с опытным, они отстаивали тезис о том, что опыт необходимо очистить от всех ненаблюдаемых, неконтролируемых компонентов и предположек. Метафизика, поскольку она претендует на выход за пределы эмпирии, квалифицировалась как область ненаучных и даже антинаучных конструкций. Этот подход привел Маха к убеждению в том, что из науки должны быть устранены такие фундаментальные теоретические понятия, как «атом», «причинность», «сила» и т.п. Позитивистская установка на устранение метафизики из науки и философии нашла свое продолжение в принципиальной антиметафизической программе Венского кружка (М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап и др.). Сведение неопозитивистами задач философии к логическому анализу языка науки означало, что большинство традиционных философских проблем исключались из “научной философии” и объявлялись метафизическими. Поставленная неопозитивистами в качестве центральной проблема демаркации между метафизикой и наукой стала предметом длительных дискуссий в философии науки XX в. Poleмика вокруг этой проблемы позволила по-новому поставить ряд методологических и эпистемологических вопросов, в частности вопрос о критериях научности.

В XX в. позиции метафизики отстаивали неогомисты. Попытки возродить метод старой метафизики как один из необходимых подходов к действительности свойственны ряду течений: реализму, феноменологии, экзистенциализму.

Систематизация, предложенная В.Е. Кемеровым, интересна оценкой местоположения метафизики сегодня:

«До XIX века философия часто отождествляется с метафизикой; метафизика рассматривается как специфическая для философии форма осмысления бытия. В XIX в. возникает устойчивое критическое отношение к метафизике со стороны многих философов и ученых. Марксизм критикует метафизику за отрыв от практики исторического развития, за тенденцию к догматизации всеобщих определений бытия, познания и мышления. Позитивистская философия требует преодоления метафизики как учения о мнимых проблемах и сущностях, невыводимых из научного исследования и несоизмеримых с непосредственным опытом человеческих индивидов.

Критика метафизики и ее преодоление знаменуют конец этапа в эволюции философии, который принято называть “классическим”. Философия оказывается перед задачей сопоставления своего категориального аппарата с конкретными формами человеческого бытия и научного познания. Многие вопросы логики, познания, характеристики природы и общества, трактуемые прежде в плане метафизики, переходят в сферу компетенции отдельных научных дисциплин. Наука и практика XIX века продемонстрировали непродуктивность метафизики, существующей в отрыве от конкретных форм человеческого опыта. XX век показал, что философия, познание, культура не могут функционировать, если не действует специфический “аппарат”, обеспечивающий синтез человеческих представлений о различных аспектах бытия, деятельности и познания людей. Определяется потребность в метафизическом осмыслении опыта XX столетия. В ходе реализации этой потребности проявляются новые черты метафизики: она оказывается необходимой для фиксации динамики, процессуальности, воспроизводимости человеческого бытия, не представленных в формах обыденного опыта, но встроенных в этот опыт и обуславливающих его. Взаимодействие науки с “неклассическими”, ненаблюдаемыми объектами, описание социального бытия с опорой на понятия о сверхчувственных качествах (информации, стоимости, ценности) возрождают метафизику как учение о сверхчувственных формах, об их выявлении, характеристике и использовании в контактах с природой, в культурных взаимодействиях, в мировоззрении и методологии деятельности человека» [10].

Таким образом, сегодня метафизика вновь обретает актуальность в исследовательском дискурсе, тема не нова, но это следующий уро-

вень в познании сознания человека. Кроме того, наконец осознается бессмысленность спора между материалистами и идеалистами и формируется представление о том, что идеальное и реальное тесно спаяны друг с другом и не могут существовать отдельно. В этом смысле метафизика, собственно, означает учение о реальности, или бытии, будь оно материальным или идеальным, «основной вопрос философии», таким образом, снимается с повестки дня. Концепция современного философа-физика Ю.С. Владимирова [11] состоит в том, что материализм и идеализм находятся в диалектическом единстве. Исследуя философские основания физики, Ю.С. Владимиров, причисляет себя к материалистам, но при этом не может обойтись без идеализма и подразумевает его. Эта новая концепция метафизики, направленная на обоснование монистического единства мира и претендующая на роль всеобщей объединительной теории, в основу положена теория физических структур в ее развитии в реляционную метафизику, метафизику отношений.

Возвращаясь к метафизике интересующего нас периода творчества Канта, надо отметить творчество наиболее значимых мыслителей, оказавших влияние на его становление как философа. К ним можно отнести Платона, Секста Эмпирика, Беркли, Вольфа, Тетенса, Хатчесона, Монтеня, Декарта, Локка, Мальбранша, Ньютона, Томазия, Крузия, Юма, Спинозу, Руссо. Относительно подробно остановимся на метафизической системе Лейбница как одной из самых ярких, универсальных и целостных метафизических систем и метафизике Вольфа, оказавшего большое влияние на «докритического» Канта.

Эпоха Канта. Метафизические учения Лейбница и Вольфа

Г.В. Лейбниц является наиболее значительной фигурой в европейской философии рубежа XVII–XVIII в. Многие аспекты его философской системы актуальны и по сей день. Философская, да и человеческая судьба Лейбница во многом трагична, хотя по длительности и интенсивности воздействия на развитие философской и научной мысли немного найдется в истории людей такого масштаба, как Лейбниц. В Англии и Франции того времени его метафизика не была воспринята и стала объектом критики со стороны представителей атеистической, деистической, эмпирической и материалистической линий. В его родной Германии учение Лейбница получило признание лишь у представителей лейбнице-вольфовской школы, но при этом его основные идеи

оказались непонятыми и, что хуже, неверно истолкованными [12]. Не случайно даже Кант, называл «величайшим из всех догматических философов» и ставил в один ряд с Платоном и Аристотелем не Лейбница, а Вольфа. А Гегель «не заметил» большинства диалектических идей Лейбница, его ярко выраженной оппозиции механистическому образу мышления и механистическому образу мира. Вероятно, причиной было то, что Лейбниц не преподавал в университете и мало кто знал о его учении (несмотря на то, что в 1700 г. благодаря его стараниям была создана Прусская академия в Берлине), а кроме того, его работы написаны в форме диалога (как у Платона) и к тому же далеко не все были опубликованы при его жизни. «Теодицея» (1710 г.) была опубликована при жизни, а «Монадология» – лишь после смерти. Важнейшее сочинение «Новые опыты о человеческом разумении», содержащее острую полемику с Локком, также не увидело свет при жизни автора.

К концу XVII в. естествознание практически полностью освободилось от догм схоластического мышления. Благодаря усилиям Галилея, Ньютона и других естествоиспытателей наука превратилась в самостоятельный, экспериментально-математический, способ познания природы, и до конца столетия эти процессы шли параллельно с развитием философской мысли. Выработанные философией новые принципы мышления и понимания мира, в свою очередь, служили укоренению в обществе науки как нового типа познания и формы сознания. Метафизика XVII в., по словам Маркса, «еще заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались неразрывно связанными с нею. Но уже в начале XVIII в. эта мнимая связь была уничтожена» [13]. К концу XVII в. ситуация изменилась. Возникновение механистического мировоззрения, абсолютизация философской интерпретации механистичности мира, неправомерная экстраполяция конкретно-научных знаний на мир в целом привели к вырожденному типу мышления тогдашней метафизики и, кроме того, к отторжению философии положительными науками, начатому Ньютоном фразой: «Физика, берегись метафизики».

Творчество Лейбница пришлось на самое начало этого периода. Лейбниц [14] ставит вопрос о собственно философских основаниях механики и выступает против философской абсолютизации механистических представлений и методов, вскрывая их внутреннюю противоречивость и односторонность, указывая на явную недостаточность механики для объяснения всего многообразия природы. Преодолевая

механистичность современной ему картины мира и продвигая науку к картине мира более динамичной, Лейбниц утверждал, что механистическое знание двойственно в том смысле, что, с одной стороны, благодаря умственному анализу можно формулировать общие законы, дающие точные математические описания опыта, но с другой стороны, такое знание относительно, так как эти законы относятся только к конкретным свойствам предметного мира и не исчерпывают представления о нем, об истинной природе вещей. Будучи глубоко приверженным современным ему математике и естествознанию, Лейбниц сделал ряд выдающихся открытий, высказал тонкие догадки, помогающие пониманию природы как живой, динамично развивающейся системы, образованной из качественно разнородных, но упорядоченных явлений. Это и дифференциальное и интегральное исчисление, благодаря чему в математику, по словам Маркса, «вошли движение и тем самым диалектика». Именно Лейбниц ввел кинетическую энергию как меру движения и подошел к формулировке нового закона энергии при взаимодействии сил, выдвинул ряд перспективных идей о неразделимой связи материи и пространства, времени и движения. Его картина мира динамична, наполнена живыми силами, и он строит свою научно-метафизическую гипотезу, в которой на понятие «субстанция» возложена главная объясняющая функция.

Основные положения монадологии Лейбница таковы: Бог – единая сущность, необходимая субстанция, но есть еще множество отдельных деятелей-монад, которые являются непротяженными, неделимыми и представляют собой истинные атомы природы, элементы вещей. Они не рождаются и не гибнут, а были сотворены в акте творения. На монады нельзя подействовать материальным способом, они «не имеют окон». Монады должны быть наделены какими-то свойствами, чтобы можно было объяснить изменения вещей, принцип индивидуальности монад, дифференцированности. Монады мыслятся как идеальные первокирпичики всего бытия, Лейбниц наделяет их способностью восприятия, но не способностью сознания. Возражая Декарту, он утверждает, что надо во все внедрить неосознаваемые восприятия, т.е. определенную степень духовности, стремление. Благодаря наличию восприятий монады можно уподобить душам, но Лейбниц называет их монадами, или, подобно Аристотелю, энтелехиями. Монада – это движущий принцип, изначальная сила, совершенство, самодовление, самодостаточность.

Лейбниц вводит основные принципы: принцип универсальной взаимосвязи, принцип всеобщей законосообразности, принцип необхо-

димости, принцип порядка, принцип различий, или индивидуализации, принцип тождества, принцип достаточного основания, принцип непрерывности, принцип предустановленной гармонии, принцип совершенства созданного Богом мира как лучшего из миров. Структура принципов у Лейбница такова, что они взаимосогласуются, дополняют друг друга, образуя подвижное диалектическое единство, что было большим новшеством в его время. Для идеалиста Лейбница непреложно, что в рамках философии дух имеет первенство перед материей, души – перед телами. Для него невозможно свести дух, души к материальному, так как духовное имеет свои законы, которые ставят души выше изменений, происходящих в материи, ведь благодаря имманентной, духовной субстанции и принципу неосознанных восприятий универсум собирается в прочное, одухотворенное, живое единство. Таким образом, Лейбниц преодолевает дуализм и материальный монизм, считая, что человеческий мир – это мельчайшая часть универсума и кратчайший миг истории. Мир не однообразен, люди в испытаниях закаляются, и природа, в противодействии добра и зла, действия и страдания, красоты и уродства, становится прекрасной и целесообразно устроенной. Наибольшая свобода открывается человеку тогда, когда он сознательно действует как разумное существо.

В своей работе «Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии» Лейбниц, отвечая на вопрос о существовании принципов, врожденных человеческому духу, отвергает физическое существование врожденных идей, их существование где-то в мозгу или уме, считая, что врождено не актуальное знание, а то, что можно назвать потенциальным знанием. И вопрос заключается только в том, воспользуется ли человек этой потенциальностью как действующая монада или нет. По Лейбницу, врождены основные правила нравственности. Лейбниц не отрицает важной роли ощущений, интуиции, – более того, он указывает, что при превалирующей чувственности может возникать неясное, неверное знание, отличающееся от истинного знания. Понятия, причисляемые к адекватным и интуитивным, – высший вид познания. Есть истины факта – опыт и есть истины разума. Для обоснования истин разума нужны законы логики; всеобщие законы математики и логики не могут быть выведены из опыта, это суть конструкции разума, полагающие анализ, синтез, единство и непротиворечивость, это основы метафизики, но это также и привлекающие как подспорье, дающее импульс размышлениям разделы естествознания, где трактуются понятия пространства, времени и т.д.

Метафизика Лейбница, завершая философию XVII в., передает эстафету философии Канта и Гегеля и оказывает на нее глубочайшее влияние. Также отметим, что в первой половине XVIII в., безусловно, нельзя ни по влиянию на Канта, ни по его историко-просветительской роли пройти мимо Х. Вольфа, его «лейбнице-вольфской школы». Девизом своей философии Вольф избрал латинское изречение: «Ad usum vitae» («Для житейской надобности»). Оценки его философии на редкость неоднозначны, но несомненно, что большая просветительская деятельность и выдающаяся роль Вольфа в развитии немецкой философии вплоть до Канта, его заслуги в распространении в Германии идей Просвещения и создании философской школы позволяют назвать Вольфа родоначальником философского Просвещения в Германии, других странах Европы, Америке. Исследователи истории философии считают, несмотря на противоречивость, крайний рационализм и догматичность, а также поверхностность в трактовании Вольфом философского учения Лейбница, это явление важным и закономерным, имевшим под собой вполне реальные и даже необходимые теоретико-методологические и мировоззренческие основания. Не случайно философия Лейбница до середины VIII в. была известна в Германии именно в интерпретации Вольфа, критическая философия Канта в значительной мере возникла из оппозиции вольфианству, а Гегель считал Вольфа учителем, внедрившим философию в Германии. Вольф был избран членом пяти крупнейших академий в Европе, в том числе российской, у него учились Прокопович, Ломоносов, Волков, его высоко ценили Вольтер и Дидро [15].

Популярность Вольфа объяснялась не только ясным и простым языком его сочинений, но и направленностью его работ в соответствии с требованиями и вызовами эпохи, точнее, в ответ на эти требования и вызовы. Учение Вольфа отвечало реальным запросам века Просвещения, его основной парадигме, состоявшей в том, чтобы сделать мыслящий рассудок единственным мерилем всего существующего. Именно мыслящее, рассудочное, понятийно строго определенное рассмотрение всех областей действительности Вольф положил в основание своего способа философствования. Вместе с тем в знании и мыслящем рассудке он усматривал основное средство просвещения, образования и воспитания людей. Эта совместимость его философии с практически-просветительской деятельностью была созвучна времени, адекватно отвечала на запросы просветительского движения. Призыв к самостоятельному применению разума, вера в силу мышления, стремление внедрить в сознание рядового гражданина принципы рационального, дока-

зательного мышления, несомненно, имели важное прогрессивное значение в жизни общества.

Вольф подчеркивал, что в своей философии он всегда стремился к достоверному знанию всего, что служит благу человечества и, собственно, он пытался объединить все знания, доступные человечеству на тот момент, в логически обоснованную систему, подведенную под единые принципы познания в виде некой дедуктивной системы «разумных мыслей о всех вещах». Но просветительское отношение к знанию как средству образования, рассмотрение знания в качестве учебно-педагогического материала оборачиваются серьезной гносеологической ошибкой, когда формы экспликации знания превращаются в основное средство его достижения, когда процесс познания подменяется его конечным результатом. При этом абсолютизируются способы рассудочного размышления, а его логические законы формы, кроме того, неправомерно переносятся на бытие и познание, отождествляются с сущностью и структурой самого действительного мира и его познанием. В конечном счете вольфовская метафизика быстро превратилась в набор общеизвестных истин, понятий, советов, банальных «разумных мыслей», которые со временем начали отставать от данных бурно развивающейся науки. С другой стороны, в метафизике Вольфа все больше обнаруживались скрытая противоречивость и догматичность ее исходных философских оснований и «первых принципов». Претендующая на научность, доказательность, строгую логичность и обоснованность система сама сработала против себя, когда строилась на никак не обоснованном постулировании бытия Бога и чудесного акта творения. В метафизической системе Вольфа обоснование рациональной космологии и психологии возможно лишь в случае допущения так называемой естественной теологии, т.е. обоснование при внешней наукообразности, просветительской направленности, способности человека к познанию и преобразованию действительности и достижению общего блага через совершенствование общества. Но тогда решение этих вопросов оказывается мнимым и иллюзорным, основанным на недоказуемых и противоречащих опыту и здравому смыслу постулатах.

Эти недостатки привели к потере к середине века популярности Вольфа, его метафизика перестала быть центром просветительского движения. Но благодаря ей стали очевидными теоретическая и методологическая несостоятельность такой рационалистической метафизики, ее ограниченность и односторонность, а также необходимость искать новые подходы и формулировать новые идеи. Вольф – яркая фигура, отобра-

жающая кризис традиционной метафизики, он основатель процесса взревания проблемно-теоретических предпосылок для разработки новых подходов к вопросам познания, прежде всего у «критического» Канта и других представителей немецкой классической философии.

Апогей развития вольфовской школы приходится на 40-е годы XVIII в., когда Фридрих II объявил философию Вольфа чуть ли не официальной философией Пруссии. В это время, в 1746 г., И. Кант заканчивает Кенигсбергский университет и пишет свою первую работу – «Мысли об истинной оценке живых сил». С нее, как потом оценят это последователи и исследователи его философии, и начинается его так называемый «докритический период», о котором подробнее пойдет речь в следующем разделе.

Метафизические основы естествознания у «докритического» Канта

В годы учебы в Кенигсбергском университете, изучая философские работы Локка, Лейбница и, конечно, Вольфа, Кант в то же время осваивает такие естественно-научные дисциплины, как медицина, география, физика, математика, причем настолько профессионально, что впоследствии он смог преподавать их. Традиционно все творчество Канта делится на два периода: «докритический» (примерно до 1770 г.) и «критический» (с 1770 г.). В докритический период основное место в его исследованиях занимают, образно говоря, «звездное небо» и его устройство, а в критический период – «моральный закон», когда во главу угла ставятся человек и его возможности познания.

В докритический период Кант уделяет внимание именно естественно-научным проблемам, к которым и относятся его великие догадки и открытия. В своей первой работе «Мысли об истинной оценке живых сил», написанной в 1746 г., Кант, по его словам, преследует цель придать учению о живых силах достоверность и законченность и определить метафизические понятия о силе тел вообще. «Говорят, что тело, находящееся в движении, обладает силой. Ибо преодолевать препятствия, натягивать пружины, перемещать массы – это все называют «действовать». Когда не видят дальше того, чему учат нас чувства, то эту силу считают чем-то таким, что всецело сообщено телу извне и чем тело ни в коей мере не обладает, когда находится в покое. Все философы до Лейбница, за исключением одного лишь Аристотеля, придерживались этого мнения. Полагают, что темная энтелехия этого мужа

и есть тайна действий сил... Лейбниц, которому человеческий разум обязан столь многим, первый учил, что в теле имеется некоторая существенная сила, которой оно обладает еще до протяжения» [16].

Кант ищет внутренний источник движения, он анализирует субстанцию, сосредоточив внимание на ее действии, и приходит к важному выводу о взаимодействии сил, усматривая в нем внутренний, естественный механизм движения и развития материи. Он считает, что всякая связь и всякое отношение существующих друг вне друга субстанций происходят от взаимных действий их сил. Кант полагает, что в метафизике надо представлять себе, каким образом материя в состоянии порождать в душе человека представления воистину действенным образом, физическим воздействием и каким образом душа действует на материю, а потому неверно считать, что сила вызывает только движение, бывает только движущей. Такую объясняющую сложные движения силу он называет живой, активной силой. В этом состоит его новаторская попытка объяснить мир, вынося понятие Бога за скобки, как возникший естественным путем. Субстанции, по мнению мыслителя, «в существующем мире действуют друг на друга таким образом, что сила действия обратно пропорциональна квадрату расстояния. Возникающее отсюда целое имеет в соответствии с этим законом свойство трехмерности» [17]. Он также делает вывод о том, что метафизически может существовать не один мир сущностей и остается нерешенным вопрос, существуют ли в реальности или нет миры с другими измерениями и другими силами и условиями протяженности.

Здесь Кант стоит на позициях естественно-научного материализма, он «высказывает свою точку зрения на вычисление силы, полемизируя со своими великими предшественниками – Лейбницем и Декартом. То, что предложил Кант, было настолько же просто, насколько неверно, – по его мнению, живую силу следует вычислять по формуле Лейбница, а мертвую – по формуле Декарта; при этом Кант совсем упустил из виду новое решение, данное в 1743 году Д'Аламбером: $F = mv^2/2$. Несмотря на неправильное решение конкретного вопроса в этой статье («Мысли об истинной оценке живых сил». – Т.Г.), можно утверждать, что работа над ней была для Канта плодотворной, так как здесь философ пытается обосновать право на существование собственного мнения, пусть даже противоположного мнениям философских авторитетов той эпохи» [18].

В то время три основных закона классической механики и закон всемирного тяготения, сформулированные Ньютоном, были последним

словом в естествознании, и Кант исходя из них пытается объяснить мироздание. Самой выдающейся работой докритического периода была опубликованная им анонимно в 1755 г. «Всеобщая естественная история и теория неба». «Представив мир в состоянии простейшего хаоса, я объяснил великий порядок природы только силой притяжения и отталкивания – двумя силами, которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщи. Обе заимствованы мною из философии Ньютона», – пишет Кант в этом произведении [19].

Однако начало «Всеобщей естественной истории и теории неба» достаточно противоречиво, Кант пытается предотвратить возражения со стороны церкви и снять с себя упреки в безбожии: «Красота и совершенство мироздания подтверждают бытие премудрого создателя» [20]. И далее: «Слепая механика сил природы способна развиться из хаоса до такого великолепия только тогда, когда, не имея внутренней стройности, руководима божественным замыслом, благодаря которому в ней и развиты согласие, красота и цели и средства. Вся природа, особенно неорганическая, полна доказательств в пользу того, что материя, сама себя определяющая с помощью механики своих сил, приводит к результатам, отличающимся известной правильностью, и сама собой, без принуждения, удовлетворяет правилам гармоничности. Если же благомыслящий человек, желая спасти благое дело религии, станет оспаривать эту способность всеобщих законов природы, то он сам себя поставит в затруднительное положение и плохой защитой даст неверию повод к торжеству» [21].

Ставя своей целью найти то, что связывает между собой в систему великие звенья Вселенной во всей ее бесконечности, понять, как из первоначального состояния природы на основе механических законов образовались сами небесные тела и каков источник их движения, Кант анализирует «старые» космогонии, согласно которым «Первоначальным состоянием природы было всеобщее рассеяние первичного вещества всех небесных тел, или атомов. Старая космогония Эпикура, Левкиппа, Лукреция и Демокрита основывалась на представлении об атомах и существовании тяжести, заставляющей падать эти первые частицы материи (аналог ньютоновского притяжения), Эпикур приписывал этим частицам и некоторое отклонение от прямолинейного падения (причины и следствия этого, правда, были нелепыми) – это сейчас связывается с отталкивательной силой частиц и, наконец, вихри, встречающиеся и у Левкиппа, и у Демокрита. Кант, говорит о том, что «из всех задач естествознания ни

одна не была разрешена столь правильно и точно, как вопрос об истинном строении Вселенной в целом, о законах движения и внутреннем механизме обращения всех планет – область, в которой Ньютонова философия может дать такие познания, какие мы не встречаем ни в одной части философии. Из всех естественных явлений, первопричину которых мы ищем, можно прежде всего надеяться основательно и надежно уразуметь именно происхождение системы мира, возникновение небесных тел и причины их движения. Легко понять, почему это так. Небесные тела имеют самое простое строение шарообразной массы, и движения их просты. Это ни что иное, как свободное продолжение однажды сообщенного им движения, которое, связанное с притяжением тела, расположенного в центре, становится круговым. Кроме того, пространство вокруг небесных тел пусто на огромных расстояниях и налицо все условия для стройного движения и для ясного обнаружения его. Взаимное расположение орбит, совпадение направления, эксцентриситет – все это может быть объяснено простейшими механическими причинами и можно твердо рассчитывать найти эти причины, так как они покоятся на самых простых и ясных основаниях... Здесь можно сказать, что принцип “дайте мне материю и я построю из нее мир” работает, раз материя по природе одарена силой притяжения и нетрудно обнаружить принципы, по которым строится вся система» [22]. Происхождение же живых организмов Кант считает несравненно более сложным в отношении их многообразия и самого процесса происхождения.

Канту принадлежит гениальная догадка о составе туманностей. Он пишет, что пришел к мысли, что надо рассматривать неподвижные звезды не как беспорядочную кучу, а как систему, имеющую сходство с планетной, ибо, как в этой системе планеты находятся очень близко к одной общей плоскости, так и неподвижные звезды расположены максимально близко к одной общей плоскости, которую следует представить себе проходящей через все небо. Наибольшее скопление звезд около этой плоскости и образует ту светлую полосу, которая носит название Млечного Пути. Этот светящийся бесчисленными солнцами пояс имеет точное направление большого круга, и Кант убежден, что и наше Солнце должно находиться очень близко к этой большой плоскости. Вероятно, так называемые неподвижные звезды – это, в сущности, медленно движущиеся планеты высшего порядка. Наблюдения Брэдли за Арктуром подтвердили, что положение звезд меняется и это можно объяснить только движением самих звезд. Трудно сказать, что же движется – наша собственная планетная система относительно мирового пространства

или некоторые звезды относительно нашей неподвижной системы, и, тем более, выявить законы этого движения. Кант обратил внимание на те звездные туманности, которые имеют форму более или менее открытых эллипсов, и легко пришел к выводу, что они суть не что иное, как скопления множества неподвижных звезд. Всегда правильная округлость этих фигур убедила Канта в том, что здесь перед нами должно быть бесконечное множество звезд, и причем расположенных вокруг некоторого общего центра, – иначе они не казались бы четко очерченными фигурами. Притом в той системе, в которую эти звезды объединены, они должны группироваться в одной плоскости и, ввиду слабого света от них, должны находиться от нас на невероятно большом расстоянии.

Понятия о системе, о системном рассмотрении устройства неподвижных звезд в дальнейшем не только послужили основой космогонии и космологии в части представлений о галактиках и галактических плоскостных скоплениях звезд, но и обогатили теоретическую науку самим понятием системного подхода, сохранившим свою актуальность и по сей день. По аналогии с нашей планетной системой Кант рассматривает звезды как высшие планеты и полагает, что их движение подчиняется тем же законам притяжения и отталкивания, подчеркивая тем самым принцип всеобщей взаимосвязи Вселенной. Звезды только кажутся неподвижными. Кант утверждает, что они осуществляют поступательное движение, считая, что они движутся чрезвычайно медленно вследствие большой удаленности от общего центра их обращений или же что это движение незаметно из-за дальности расстояния от места наблюдения. Важный вывод делает Кант о вращении звезд Млечного Пути вокруг невероятно удаленного общего центра. Он надеется, что в дальнейшем естествоиспытатели благодаря развитию наблюдательной техники подтвердят его выводы.

Кант делает гениальное открытие «на кончике пера»: он высказывает предположение, что за Сатурном есть и другие планеты. Поскольку эксцентриситет в движении планет увеличивается с их расстоянием от Солнца, вполне могут существовать планеты, более удаленные от Солнца. Так философ Кант исходя из общей философской идеи, системной логики мироздания совершил научное предсказание, блестяще подтвердившееся еще при его жизни: был открыт Уран. Затем, в XIX в., открыли Нептун, в XX в. – Плутон.

Кант логически подходит к проблеме возникновения звезд и планет, пытаясь обнаружить в этом процессе «истинную систему». Оценивая настоящее межзвездное и межпланетное пространство как пустое

или почти пустое, он говорит о том, что здесь нет материальной причины, которая могла бы сообщить звездам и планетам движение или направить их. Отсюда он делает гениальный вывод, что когда-то это пространство должно было быть иначе устроенным и наполненным материей, способной передавать движение, согласуя все движения и собирая всю рассеянную в пространстве материю в отдельные сгустки, планеты с однажды сообщенным им движением, чтобы потом они могли свободно и неизменно продолжать свои обращения в пространстве. То есть Кант говорит о происхождении небесных тел из газопылевого облака, когда в первичном состоянии бесформенная «материя разложена на первичные части», а обособленные небесные тела – это уже позднейшее состояние, когда материя стремится подняться к более совершенному состоянию путем естественного развития. Согласно гипотезе Канта, элементы с наибольшей плотностью более рассеяны в пространстве и в такой системе покой длится мгновение. Элементам с большей плотностью присущи силы для приведения друг друга в движение, они имеют источник жизни в себе, вокруг них благодаря притяжению начинает собираться остальная материя, стремящаяся к формированию. Собираются сгустки со все большего расстояния. В конечном счете благодаря равновесию центробежной силы и силы притяжения все частицы несутся в одном направлении и по параллельным кругам, совершая круговые свободные движения вокруг центрального тела, которое имеет большую массу. Затем среди свободных парящих частиц образуются зародыши новых планет, опять же благодаря взаимному притяжению. Это объясняет и происхождение масс, и происхождение движений, и положения орбит, поскольку зародыши планет образуются из частиц, парящих каждая на своей высоте, с определенной скоростью и в одном направлении. Поэтому различны расстояния планет от Солнца, различны их скорости, орбиты лежат почти в одной плоскости, эксцентриситет возникает благодаря отклонению от кругового движения вследствие отсутствия полного равновесия. Кант полагал, что на разном расстоянии от Солнца планеты будут с разной плотностью вещества, более плотные будут находиться ближе к Солнцу. Соответственно, температура на поверхности планет, расположенных ближе к Солнцу, будет выше. По мнению Канта, все это ясно указывает на механическое образование системы мироздания.

Вопрос происхождения комет также интересует Канта. Он утверждает, что из-за различных «привносящих обстоятельств» природа не может сделать движения планет полностью круговыми – в тем большей степени, чем дальше находятся планеты от Солнца. Это приводит к тому,

что через возможные ступени эксцентриситета постепенно планеты переходят в кометы. Свободное движение комет также вызвано эксцентриситетом, но допустимо их движение в том же направлении, что и у планет. Вещество комет состоит из частиц легкого вида материи, потому что кометы образуются в отдаленнейших частях мироздания, и этим же объясняется наличие у них ядер и хвостов. Северное сияние Кант уподобляет свечению хвостов комет. Стремление планеты образовываться из окружающих частиц основного вещества обуславливает и вращение ее вокруг своей оси, и появление спутников, которые должны двигаться вокруг нее. Система Солнца с планетами подобна системе планеты со спутниками благодаря силам притяжения. Оси вращения планет наклонены к плоскости их орбит, так как скорости падающих на планету частиц при ее формировании были разными и поверхность при затвердевании претерпевает изменения благодаря внутренним неустойчивым процессам формирования различных слоев.

Кант пытается также объяснить происхождение колец Сатурна. Кольцо представляет собой скопление частиц, которые, поднявшись в виде облака с поверхности Сатурна, оставались на занимаемой ими высоте благодаря импульсу, который получен от вращения планеты вокруг оси и который они сохраняют. Также Кант устанавливает период вращения Сатурна и объясняет причины, по которым лишь Сатурн имеет кольца.

Говоря о Вселенной как о системе, развивающейся по всеобщему закону, Кант приходит к мысли, что другие звездные системы образованы подобно Солнечной системе, и задается вопросом о наличии одной точки, вокруг которой «по какой-то неведомой нам причине началось первое формирование природы из хаоса» [23] (предтеча идеи Большого взрыва?). Там должны были появиться чрезвычайно большая масса и тело с громадной силой притяжения, благодаря чему возникли все звездные системы Млечного Пути, а также могут возникать и другие млечные пути. Силы притяжения и отталкивания действуют повсеместно, границ же творение не имеет, а взаимосвязь, присущая единой системе, существует. Если в одном месте Вселенной нанесен ущерб, он будет восстановлен в другом, иными словами, существование Вселенной вечно, оно самовосстанавливаемо, это проявление божественного всемогущества. Рассматривая историю Солнца и причины его огненности, Кант высказывает предположение, что здесь играет роль приток легких частиц при его образовании и смесь горючих легких элементов с тяжелыми «служат для приспособления центрального тела к тому сильнейшему жару, который должен поддерживаться на поверхности» [24].

Системный подход, его разработка и апробация на примере Вселенной, формулирование представлений об историчности развития, взаимодействии частей системы – важная заслуга Канта в исследовании естествознания и методологии науки.

Кант задается вопросом о существовании обитателей различных планет, причем пытается рассмотреть вопрос о множественности миров, как он сам говорит, на основе закономерностей природы, а не на пустых фантазиях. Свойства и способ действия мыслящих существ, обитающих на других планетах, по его мнению, обусловлены свойствами материи, с которой они связаны. Развитие планет в соответствии с законами природы на каком-то этапе предполагает формирование условий, пригодных для появления живых мыслящих существ. Для Канта несомненно, что большинство планет обитаемы, а мыслящая материя неразрывно связана с развитием Вселенной. Благодаря воздействию Солнца и в зависимости от расстояния от него материи сообщается необходимое движение. Поскольку условия жизни на планетах разные, жители планет не могут поменяться местами, не погибнув при этом, – каждый приспособлен к «своим» характерным режимам. Естественные свойства материи отражаются и на духовных свойствах жителей планет: они становятся тем прекраснее, чем дальше от Солнца находится небесное тело. Это объясняется тоже механистически, а именно, строением их тел, их тонкостью, легкостью, быстротой, упругостью волокон. Такие более совершенные существа более нравственны и могут преодолевать чувственные соблазны, обладать большей ясностью сознания.

Несмотря на неверный, в соответствии с сегодняшними данными науки, взгляд Канта на обитателей планет Солнечной системы в «верхних небесных сферах», заслуживает уважения его прозорливость относительно возможного существования более развитых цивилизаций. Кант мечтает также о путешествиях к другим планетам, мирам, вопрошая: «...Должна ли бессмертная душа... остаться всегда прикованной к этой точке мирового пространства, к нашей Земле?» [25]. Он высказывает предположение, что нам, возможно, суждено вблизи узнать отдаленные тела мироздания. Это смелый прогноз великого мыслителя.

* * *

В докритический период своего творчества Кант в целом делает открытия в области онтологии, занимаясь исследованием проблем естествознания, бытия. Относительно же второго, критического, периода, когда он совершает «коперниканский переворот» в философии, рассматривая

человека и трактуя его познание как деятельность, протекающую по своим собственным законам, и при этом впервые не характер и структура познаваемой субстанции, а мышление рассматривается как главный фактор познания, мы можем сказать, что это область гносеологии. На наш взгляд, возникает некое диалектическое движение в познании мира Кантом. Гносеология и онтология неразрывны в его творчестве. Сегодня многие исследователи используют термин «онтогносеология» (М.А. Лившиц, В.Г. Арсланов и др.), также подразумевая взаимосвязанность этих двух аспектов исследования, обозначаемых соответствующими понятиями.

Кантовская метафизика соединяет в себе черты абсолютизированного и абсолютного, как аристотелевскую приверженность чему-то неизменному, непреложному и независимому, так и гераклитовскую уверенность в существовании постоянных изменений. Согласно же Гегелю, смысл метафизики заключается в том, чтобы найти единство определений через их противоположность (это гегелевское определение вполне можно отнести к историко-философским предпосылкам принципа дополнительности Бора). Дурная метафизика, по Гегелю, есть раз и навсегда данное определение, истинная же – это движение познания. Когда субъект ищет решение, сравнивая два противоречащих определения, это диалектический процесс. Поэтому можно сделать вывод, что метафизика неотрывна от диалектики как сердцевина, сути целостного воззрения на мир, от поисков решений [26].

Примечания

1. См.: Уемов А.И. Лекции по метафизике [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.philosoph.onu.edu.ua (дата обращения 26.04.2010).
2. См.: Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1990–1994.
3. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: От Возрождения до Канта / Пер. и ред. С.А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002.
4. Гадамер Г.Г. Истина и метод / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.
5. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. (Сер. «Философское наследие»).
6. Там же. – С. 81.
7. Там же. – С. 213.
8. *Философский энциклопедический словарь* / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: Инфра-М, 2003.
9. См.: *Современная западная философия: Словарь* / Сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Острожье, 1998.
10. Кемеров В.Е. *Философская энциклопедия*. – М.: Панпринт, 1998.

11. См.: *Владимиров Ю.С.* Метафизика. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002.
12. См.: *Жучков В.А.* Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII – первая четверть XVIII в.) / Отв. ред. А.Л. Субботин. – М.: Наука, 1989.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 39 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. – Т. 2. – С. 141.
14. См.: *Лейбниц Г.В.* Сочинения: В 4 т. / Пер. с нем. Е.Н. Боброва. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1.
15. См.: *Жучков В.А.* Немецкая философия эпохи раннего Просвещения...
16. *Кант И.* Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: В 6 т. – М.: Мысль, 1990–1994. – С. 15.
17. Там же. – С. 23.
18. *Философия* Канта и современность / Под общ. ред. Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1974.
19. *Кант И.* Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1990–1994. – С. 83.
20. Там же. – С. 70.
21. Там же. – С. 73.
22. Там же. – С. 77.
23. Там же. – С. 79.
24. Там же. – С. 81.
25. Там же. – С. 213.
26. См.: *Мушич-Громыко В.Г.* О соотношении диалектики и метафизики через геометрические и начертательно-геометрические представления // Современные гуманитарные исследования. – 2006. – № 3 (10).

Дата поступления 20.05.2010

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск
science@philosophy.nsc.ru

***Guseva, T.L.* The history of metaphysics from Plato up to «pre-critical» Kant: an outline**

In the historical context relating to the period from Plato up to «pre-critical» Kant, the paper considers some meanings of the concept «metaphysics». The object region of metaphysics consists of issues which are so ultimately general and essentially important for understanding of the world and a human being in the world that metaphysical conceptions presented by Plato, Aristotle, Leibniz, Hegel and Kant as a domain of «principles» characterizing the most general features of the matter were of great significance in the development of human thinking. So, the evolution of metaphysics as a branch of learning was predetermined. The paper pays special attention to the development of «pre-critical» Kant's metaphysics of natural science as well as metaphysical doctrines of Leibniz and Wolf who greatly influenced on Kant.

Keywords: metaphysics, ideal, Plato, Aristotle, Leibniz, Wolf, Kant, celestial body, motion, the Universe